
З ІСТОРИОГРАФІЧНОЇ СПАДЩИНИ

Ю. А. Пінчук (Київ)

Заборонена стаття М. І. Костомарова

Оригінальна й на сьогодні вже багатьом читачам відома творча спадщина видатного вітчизняного і всеслов'янського вченого та громадсько-політичного діяча Миколи Івановича Костомарова (1817—1885 рр.) є значною не тільки за змістом, а й за обсягом. Проте вона могла б бути й набагато більшою, коли б не зазнала прикрих втрат. Втрат, котрі за умови повернення їх із небуття спроможні «зробити ім'я» будь-якій творчій особистості. В різні часи загубилися такі, безумовно, цінні його твори, як драми українською мовою «Мазепа» та «Косинський», переклади Біблії та «Річарда III» Шекспіра, реферат «Об образовании княжеской дружины, о ее значении в древнее время и о ее изменениях в последующем быте русского народа», праця «О принятии руссами христианства до Владимира» та ін.

Словом, чимала частка наукових і художніх творів, публіцистичних та полемічних праць М. І. Костомарова через ті чи ті обставини запропастилася. Одні з них були знищені, у тому числі спалені, з наказу властей. Другі — вилучені поліцією під час обшуку на квартирі вченого у зв'язку із справою Кирило-Мефодіївського братства й також пропали. Решта — загубилися в редакціях журналів та газет, в оргкомітетах наукових з'їздів тощо. Є й такі, що осіли в різних архівах, відділах рукописів бібліотек. Серед них, звичайно, й ті, які були заборонені цензурою до друку.

Саме на такий незвичайний твір М. І. Костомарова мені пощастило натрапити років 20 тому, а сьогодні — зробити його надбанням широкого читача. Йдеться про унікальну полемічну статтю «Правы ли наши обвинители?», що зберігається у Відділі рукописів ЦНБ ім. Вернадського АН УРСР (I, 6670). Вона призначалася для опублікування в щойно тоді заснованій літературній і політичній газеті «Голос» (почала виходити в Петербурзі 1863 р.), однак у зв'язку з цензурними обмеженнями залишилася ненадрукованою. Стаття дійшла до нас у вигляді коректурного примірника з поміткою про цензурну заборону.

Коректура рясніє викресленнями та поправками, які мали згладжувати публіцистичну та полемічну загостреність статті М. І. Костомарова і які дуже її спотворювали. Та це й не дивно, адже автор торкнувся в ній по суті забороненої в царській Росії сфери — української мови й літератури. Відомо, що саме в 1863 р. з'явився циркуляр міністра внутрішніх справ Росії А. О. Валюєва, згідно з яким видання книг українською мовою різко обмежувалося. Це, зрозуміло, накладало табу на все, що стосувалося вищезгаданої сфери. Валюєвський циркуляр, спрямований на посилення гноблення українського народу царизмом, дав М. І. Костомарову підставу зробити сумний висновок: від 1863 р. українська література в Росії перестала існувати.

Як це не парадоксально, певною мірою можна навіть радіти, що в той час розглядувана тут праця М. І. Костомарова не побачила світу: в безжалюбно препарованому цензурою вигляді вона була б майже втраченою для суспільства. Отже, тепер завдяки сумному та водночас і щасливому випадку громадськість дістала нагоду прилучитися саме до авторського варіанту праці нашого славного співвітчизника. Сподіває-

мося, що ця публікація розширить шлях нового покоління читачів до осягнення творчої спадщини М. І. Костомарова. Її знавець академік М. С. Грушевський у статті «З публіцистичних писань Костомарова» (1928 р.) відзначив, що цей вчений «був одним з предтеч великої східноєвропейської революції. Він стелив їй дорогу не менше ніж Монтеस्क'є або Русо великій французькій»¹. Поставивши своїм завданням дослідження історії народу та життя різних частин Російської держави, а не її державного буття, М. І. Костомаров віддав свої симпатії народному прагненню до свободи та самовизначення.

Коротко спинимося на оцінці в літературі науково-публіцистичної та полемічної спадщини історика, оскільки саме вона є предметом нашого нарису. Найгрунтовніше з цього питання висловився М. С. Грушевський. На його думку, зазначена спадщина служить доповненням до наукових праць М. І. Костомарова. У критичних оглядах, публіцистичних та полемічних виступах вченого часом містяться резюме чи дається синтез його дослідницьких пошуків далеко чіткіші й виразніші, ніж у наукових розвідках, зібраних у «Монографіях» Костомарова. Водночас М. С. Грушевський звертав увагу на те, що деякі публіцистичні твори Костомарова з часом набули навіть більшого інтересу, ніж його власне наукові праці, бо в них щиро і яскраво відбивається тогочасна боротьба й ідеологічні змагання. М. Грушевський наголошував: «Як безпосередньо реагує автор на зачіпки своїх антагоністів і на незгідні з його поглядами вискази! Його завваження виливаються часом в блискучі характеристики, в глибокі і влучні міркування, варті того, щоб зайняти місце між тим найкращим, що лишилось від нього і повинно пережити все слабше і минуше»².

Заслуговує на увагу й думка М. С. Грушевського про те, що вся публіцистична і полемічна спадщина великого історика має стати загальнодоступною. «Такий визначний провідник, що положив свою печатку на цілу епоху, і такий яскравий представник свого часу варт того, щоб його знати, то значить — передусім мати змогу знати. Досі, правду сказавши, — писав М. С. Грушевський, — більше звертали увагу костомаровські прикмети чисто індивідуальні, інтимні так-би сказати, завдяки незвичайній його долі і репутації оригінала і дивака, ніж отся громадська сторона його життя, а вона має визначний історичний інтерес!»³. Після всього тут сказаного, здається, не повинно виникати сумнівів у доцільності публікації не друкованого раніше полемічного твору М. І. Костомарова «Правы ли наши обвинители?» та інших його праць. У цьому зв'язку хотілося б звернути увагу й на такий бік справи. Нещодавно прийнятий Закон про мови в Українській РСР сам по собі ще не знімає всієї гостроти питання. Завдання полягає в тому, щоб вдихнути життя у практику сучасного функціонування державної мови України. Ясна річ, що у М. І. Костомарова можна знайти не одну плідотворну думку щодо шляхів дальшого розвитку цієї важливої справи. Бо, як мовиться, велике — видніше на відстані. Класики нерідко знали більше, аніж ми.

І справді, чи ж можна залишити поза увагою, і з точки зору пізнавальної, і з огляду на практику сьогодення, твір, у якому М. І. Костомаров підняв свій голос в оборону української мови, проти антиукраїнської кампанії реакційної преси? Звичайно, ні! Тема оборони української мови й літератури та обґрунтування їх права на визнання була започаткована ним ще в юності. Вона яскраво простежується вже в найперших його працях. Зокрема, в «Обзоре сочинений, писанных на малороссийском языке, 1843» (Молодик на 1844 год.— Харків, 1843) розкривається мовне й естетичне значення нашого красного письмен-

¹ Грушевський М. С. З публіцистичних писань Костомарова // Науково-публіцистичні і полемічні писання М. І. Костомарова.— К., 1928.— С. IV.

² Там же.— С. XXI.

³ Там же.

ства, починаючи від «Енеїди» Котляревського і закінчуючи творами 1841 р.

Відтоді ця тема пронизує всю науково-публіцистичну і полемічну діяльність М. І. Костомарова. Можна простежити певну еволюцію ідеології цього діяча: від визнання необмеженого розвитку та піднесення української культури, насамперед шляхом удосконалення народної освіти, до вимог елементарної освіти для народу. Певною мірою це зумовлювалося великодержавною політикою царизму, безпідставними нападками на вченого, закликами адептів російського централізму до урядових кіл вжити суворох заходів до нього тощо. Репресивний прес чим далі міцнів. У 1876 р. з'явився указ про заборону видання і ввезення з-за кордону книг українською мовою. Народжується Емський акт про заборону театральних вистав українською мовою. Отже, можна знайти пояснення тій позиції, що її зайняв М. І. Костомаров наприкінці 70-х років, коли висунув як основне гасло тогочасних українських письменників латинське прислів'я «попшішай помалу».

Звичайно, М. І. Костомаров не був застрахований від того, щоб, як відзначав М. С. Грушевський, «полемічний запал не заганяв його часом і на слизьке — до висловів занадто різких, до аргументів доволі непевних, до заяв, під котрими він може й не підписався б у настрої більш спокійнім і розважнім. Що ж, ці прориви цікаві також і для самого Костомарова і для його доби»⁴. Ось і в розглядуваній тут статті історика є чимало суперечливого, навіть — помилкового. Зокрема, не можна погодитися з безапеляційним твердженням ученого про те, що «думка про самобутню малоросійську державу у вищій мірі безглузда». Щоправда, слід враховувати при цьому час, ситуацію, умови, за яких з'явилося дане висловлювання. До речі, сумна доля статті, звідки воно взяте, також є переконливою ілюстрацією того, якими були ці умови. Говорячи про складні моменти творчого шляху М. І. Костомарова, зокрема пов'язані з українським питанням, не можемо не послатися ще раз на авторитет М. С. Грушевського — не тільки знавця його творчості, а й сучасника, який охарактеризував цей шлях дуже влучно: «Взявши на себе оборону української мови, він (Костомаров.— Ю. П.) наче упадав під тягарем тих ударів, які задавалися і їй і йому з боку противників українського національного руху, і все зменшував цю підударну площину, щоб легше її обстояти. Великий історик не належав до людей, які протягом свого життя поглиблюють і доводять до останніх логічних висновків революційні принципи, засвоєні в молодих літах — він належав до тої категорії, у котрих хоч «раз добром налите серце ввік не прохолоне», але запас цього добра, налитий за молоду, не відновлюється, не росте, а тільки зуживається і вигорає як олива в світильниках мудрих дів на тяжкім і метушливім шляху життя»⁵.

Про характер ударів, що їх зазнавав український національно-культурний рух, частково можна судити з поданої нижче публікації, а саме: із змісту твору М. І. Костомарова й цензурних купюр та поправок до нього. Дотримання вимог цензури було обов'язковою умовою, за якої він міг вийти в світ. Проте й цього, як бачимо, виявилось замало. Праця М. І. Костомарова «Права ли наши обвинители?» не була допущена на шпальти газети. Їй судилося 127-річне архівне «ув'язнення» з поміткою: «Статья эта Комитетом к печати не дозволена». Події, пов'язані з написанням цієї праці, дістали відображення і в «Автобіографії» М. І. Костомарова. «Весною,— зазначається в ній,— я займався історією Смутного времени; лето 1863 года я проводил на даче в Павловске вместе с редактором «Основы» Белозерским, не переставая ездить в Петербург для занятий в Публичной библиотеке історією Смутного времени. Тогда же поднялась в «Московских ведомостях» буря против малорусского литературного движения, коснув-

⁴ Там же.— С. V.

⁵ Там же.— С. X.

шаяся меня тем более, что в этой газете имя мое было выставлено на позор, как одного из преступных составителей замыслов, по мнению противников, грозивших опасностью государственному порядку. Пошли в ход слова: сепаратизм и украинофильство. Инсинуации давались преимущественно из Киева. ...На обвинения «Московских ведомостей» я написал большое опровержение, но цензура его не пропустила»⁶.

Саме цим спростуванням і є полемічна стаття «Правы ли наши обвинители?», яка друкується нижче російською мовою — мовою оригіналу із збереженням в основному тогочасних орфографії та пунктуації. Тут свідомо не коментувалися втручання цензури, щоб не завадити читачеві скласти щодо цього своє особисте уявлення. Зроблені цензурою вилучення позначені в тексті курсивом, а цензурні поправки — подані у відповідних місцях публікації в дужках.

Текст забороненої царською цензурою статті М. І. Костомарова до друку підготував Ю. А. Пінчук

Одержано 16.04.90

⁶ Автобиография Н. И. Костомарова.— М., 1922.— С. 361.

Правы ли наши обвинители!

(По вопросу об издании книг научного содержания на южнорусском языке)

«Не только не желаем мы, чтобы украинские литераторы встречали какое-нибудь, хотя малейшее внешнее препятствие в литературной разработке своего родного наречия; но мы сетовали не менее их, если бы эти препятствия оказались. Мы желаем им в этом отношении самой полной свободы и самого полного успеха. Всякая попытка внешним образом стеснять или навязывать язык есть историческое безумие, недостойное насилие, от которого нельзя ждать добра. Усвоение языка должно быть делом жизни и свободы. Никакая принудительная сила не должна простирается ни на творческие стремления жизни, ни на совесть и верование людей. Официальный язык для выражения живого чувства, живой мысли будет то же, что официальная нравственность, официальная любовь, официальный энтузиазм».

(«Русский вестник», октябрь 1861 г.)

На пути человеческого развития всякий умственный и гражданский поворот не обходится без того, чтоб не вооружились против него защитники старых предрассудков, с которыми неохотно расстаются иногда даже очень умные и почтенные люди. Поэтому неудивительно, что предпринятое дело издания книг научного содержания на южнорусском языке вызвало против себя противодействие, лжетолкования и подозрения. Мы не станем перебирать поодиночке всего, что было писано в неприязненном тоне против этого предприятия, начиная от пошлых базарных ругательств киевских журналов до тонких намеков московских. Мы имеем в виду не врагов южнорусского вопроса, а читателей, которые могут быть вводимы в заблуждение несправедливыми выходками этих врагов.

Противники народного образования в южной Руси с сохранением местной речи уверяют:

1) Будто народ южнорусский не имеет потребности в развитии своего языка; высший класс говорит или пишет на языке, называемом ими общерусским; простой народ вовсе не хочет учиться на своем языке

ке и предпочитает учиться на том, на каком говорят его господа, и даже смеется над теми, которые покушаются учить его на своем;

2) Развитие малорусского языка, вместо того, чтобы способствовать просвещению, будет ему вредно, отстраняя народ от знакомства с языком книжным, уже имеющим литературу, и не допуская его пользоваться ее плодами. Необходимо, чтобы книжный язык существовал отдельно от разговорного, и на нем следует учить народ, а книжный язык у нас уже образовался единый как для великоруссов, так и **малоруссов**;

3) Обвиняют тех, которые содействуют развитию местного южнорусского языка, в тайных политических злоумышлениях, говорят, будто они желают сепаратизма, хотят искусственно поселить в малоруссах вражду к великоруссам, приговаривают отложение Малороссии от России, и при этом изъясняется подозрение, что между южнорусским направлением и польскими замыслами восстановления польского королевства, вместе с западными нашими губерниями, есть солидарность.

Объяснимся по этим трем пунктам.

1) Что касается до первого, то мы спросим каждого беспристрастного и здравомыслящего: возможно ли, по законам человеческой природы, чтоб народ сознательно, без содействия насильственных обстоятельств, возненавидел свое собственное слово? Если нередко были примеры, что народ забывал свой язык и усваивал другой, то это делалось тогда, когда: или он находился на крайне детской степени самосознания, без всякой народной истории, или когда насилие победителей заставляло его забывать свой язык и с ним свою народность; или когда его умышленно приманивали цивилизацией в иной форме, при чем он неизбежно проходил через период деморализации. Но южнорусский народ не стоит на той степени как Чукчи или Камчадалы, у него есть своя история, свои воспоминания, свои предания, своя чрезвычайно богатая народная поэзия, свой народный тип, сложившийся прошлой жизнью, своенародное воззрение, наконец — зачатки своенародной письменности, вовсе не бедные по качеству, если не богатые по количеству. Самосущности в нем не убивали насилия и чужая цивилизация. Высший класс усвоил так называемый общерусский язык, но не охладел еще совершенно к своему родному: это как нельзя нагляднее доказывается тем, что как только было объявлено о сборе пожертвований в пользу издания книг научного содержания на южнорусском языке, так с разных сторон южнорусского края обратились к собирателю с деньгами и с письмами, большей частью писанными по-южнорусски. Все это были люди преимущественно высшего класса. Не ясно дело, что между теми, которые, по-видимому, совершенно уже усвоили другое наречие, есть еще довольно таких, которые не забывают наречия своих отцов и любят его, как любят и народ, который на нем говорит? Мы не скажем положительно, чтоб их было очень много; но и то следует принять во внимание, что жертвовали только те, которые имели доверие к личности собирателя; а вероятно есть еще много таких, которые не присылали своих вкладов по недостатку такого доверия, в сущности же не менее жертвовавших расположены к делу народного воспитания с сохранением народной речи. Да, несомненно, если жертвователей было и не много, то назад тому несколько лет их было бы меньше, и, наверное, через несколько лет будет гораздо больше, чем теперь, если самому делу не будут препятствовать. В этом нас удостоверяет пример малорусской литературы; прежде достаточно было печатать книгу в сотнях экземпляров и те с трудом расходились в течение многих лет; теперь можно смело печатать малорусское произведение тысячами, лишь бы его содержание было удовлетворительно. Таким образом, если сочувствие к делу развития южнорусского языка теперь еще не велико, то несомненно оно увеличится; дайте только ему свободу. Что же касается до простого сельского народа, то противники

наши не могут не согласиться, что масса южнорусского народа еще не оставила своего языка и не успела переродиться. А если так, то на чем основаны их показания, будто малороссияне не хотят вовсе учиться на своем наречии и презирают его? Как могут противники наши узнать это? Разве станут спрашивать встречного-поперечного? Но то были бы мнения не народа, а тех лиц, у которых спрашивают. Да если б им таким образом удалось переспросить все тридцать миллионов южнорусского народа, то и тогда разве они добрались бы до истины? *Во-первых*, многие бы не поняли в чем дело и не нашлись бы, что отвечать на вопрос. Правильно судить об учении может только учившийся, испробовавший на деле то, что ему предлагается к обсуждению. Не учившийся ничему легко попадет в ошибку, когда ему приходится отвечать на вопрос: как ему учиться? *Во-вторых*, многие, очень многие, быв таким образом спрошены, умышленно ответят не то, что чувствуют и думают, потому что, если им предложат такой вопрос, то они заподозрят в нем полицейскую цель, поймут, что их спрашивают неспроста, а чтоб выведать; сообразят, что тем, которые их спрашивают, нужно, чтоб народ не любил своего языка; побоятся, чтоб их не били, если они скажут противное и вымолвят о своем родном языке «Хай ёму цур!», а в душе скажут: «Хай ёму лыхо, сёму нависному! чо го цо вин причепивсь!» Недоверчивость, неоткровенность приросли к существу малорусского народа, забитого, загнанного в продолжение веков и татарскими арканами, польскими канчуками... Немудрено, что иным и в самом деле случалось подметить, как малороссиянин смеялся над своим языком. Ирония составляет характерную особенность малорусского нрава. Он смеется надо всем, и над своим, и над чужим, и даже над собственным горем и плачем; в глаза смеется над самим собою, а за глаза над тем, с кем вместе тешился смехом над собою. Узнать: желает или не желает народ учиться на своем языке, можно только тогда, когда издадутся на нем учебные пособия, будут на нем учить учителя: только тогда и объяснится, к чему народ окажет симпатию и антипатию. Пока мы не попробовали учить на его языке, суждение о его охоте или неохоте учиться на нем будет относиться к области предположений и гаданий, и по здравому смыслу всякий согласится с нами, что человеку свойственно любить свои обычаи, свой образ жизни, а более всего свою речь, которую он усвоил с младенчества от отца и матери.

2) Если ставить правилом, что просвещение народа проигрывает с развитием его собственного языка и, напротив, выигрывает, когда народ заставляють принимать это просвещение на чужом образованном и имеющем богатую литературу языке, то, рассуждая таким образом, надобно будет вполне оправдывать тех немцев, которые хотели бы, чтоб славяне не думали о возрождении своих языков, а учились по-немецки. У нас высший класс говорит и знает по-французски; не преподавать ли в самом деле в учебных заведениях и, уж по крайности, в университетах на французском языке? Так бы французский язык вошел во всеобщее употребление, и чем более знание его начнет распространяться, тем легче будет ему научиться: везде будет встречаться практика, и мало по малу он сделается всеобщим, и русские забудут свой язык. И прекрасно будет: французская литература богаче нашей! На эти примеры возразят, что немецкий язык для славян и французский для нас — языки чужие, а русский и малорусский очень близки между собою, и выучиться малоруссу по-русски легко. Что же? Разве мы говорим, что малоруссу не следует учиться по-русски? Отношения малоруссов к русскому языку не изменятся во вред последнему при развитии языка малорусского. Польза, которая произойдет для малорусса от знания русского языка не уменьшится ни на волос! Распространению русского языка и литературы в южной Руси не будет препятствовать язык южнорусский и его литература; напротив, выучиваясь

своему, полюбивши чтение, малорусс тем охотнее захочет тогда познакомиться и освоиться с близким наречием и с тем, что на нем написано. Впрочем, относительно так называемого общерусского языка мы имеем другое понятие, чем г. Гогоцкий, один из наших противников. Он, как и многие ненавидящие наше дело, признает необходимость отделения разговорного языка от книжного. Хотя это существует почти везде, то в большей, то в меньшей степени, но мы считаем это недостатком, а не достоинством. Это значит только, что просвещение не сделалось достоянием масс народа и продолжает еще быть уделом избранных. В средние века наука была привилегией немногих, и тогда ученый язык был мертвый — латинский язык. По мере расширения просвещения и доступности науки для большего числа язык мертвый заменился живым языком в разных странах, но влияние науки, которая, не освободившись от прежних мертвых форм, все еще продолжала развиваться с старым принципом — служить только избранным, сообщало школьную искусственность взятому для передачи ее живому языку и отделяло его от народного образа выражения. Люди из народа, поучившись наукам, заимствовали эту искусственность и перенесли во всякую книгу и, наконец, в разговор. Таким образом, книжный язык — язык образованного класса отделился от народного или разговорного простого. В риториках различали различный образ выражения: возвышенный, средний, простой. Теперь, когда цель просвещения — распространение знаний, сколько возможно, в большей массе, различия между книжным и разговорным языком естественно сглаживаются, и чем народ образованнее, тем эти различия делаются менее и менее замечательными. На нашем русском языке разве не то же мы видим?

Образование книжного русского языка вместо славяно-церковного, в XVIII веке, разве не было отступлением от мертвой книжности, потребностью сблизиться с живою речью. С тех пор язык этот прогрессивно приближается к разговорному. Настоящий письменный язык разве не отличен от языка Карамзина и Дмитриева, а тем более от языка Ломоносова и Сумарокова. И он пойдет далее, и по мере развития образованности в великорусском народе его ждет большое изменение; и внуки совсем иным способом станут выражать свои мысли, чем мы. Народ, как это открыл нам Даль, лучший знаток народного великорусского языка, совсем иначе выражает многое, чем мы фальшиво привыкли выражать своим искусственным способом. Для своего обновления язык русский должен черпать живые соки из простонародного языка. Что же за странная судьба южной Руси, если лишить ее возможности точно так же удовлетворить этой всеобщей потребности современного просвещения — распространению знания в живой форме народного языка и заставить ее усваивать иную народную, хотя и близкую к ней, но все-таки не ее собственную? Зачем же полтавца или волынца принуждать копировать туляка и москвича? Те ошибаются, которые полагают, что есть намерение создать книжный малороссийский язык. Если некоторые из теперешних писателей впадают в искусственные книжные формы, то это их недостаток, от которого они сами желают избавиться. Иначе нечего было бы им и учиться у народа. Лучше изучить памятники существовавшего, уже готового книжного малороссийского языка, которым все писали и на котором никто не говорил в XVII веке. Однако этот язык оказывается ни на что не годным для настоящего возрождения малорусской речи именно потому, что задача нашего дела не искусственное создание какого-то особенного книжного языка в России, а сохранение и обработка на народных началах языка народного, существующего в живом слове живого народа, обработка с той целью, чтобы этот народ воспринимал живое просвещение. Чтобы насолить нам чем бы то ни было, противники наши уверяют, будто на пространстве, населенном южнорусским народом,

существует много поднаречий, различных между собою; следовательно, нет возможности писать так, чтобы везде равным образом понимали. Это неправда. Напротив, южнорусская речь представляет единство. Это и причина, что писатели южнорусские с равным удовольствием читаются и на Волыни, и на Дону. Правда, по соседству с поляками вторгаются в употребление слова и обороты польские, а по соседству с великоруссами — великорусские; но коль скоро они противны духу языка, то и не могут химически войти в строй народной речи. Вкус и чутье писателя не допустят пестрить ими слог там, где необходима ясность и доступность для всех. Напротив, в этом отношении наш язык представляет самые счастливые условия для литературной обработки. С другой стороны, от дарования писателя будет зависеть, чтобы новые слова, необходимые для новых понятий, творились только в случае необходимости и в народном складе так, чтобы сразу были понятны и не дики для уха тех, которые слышат их в первый раз. К счастью, этому и были примеры. Но о чем толковать? Ведь мы — повторяем еще раз, и сто раз готовы повторить — вовсе не хотим и не думаем изгонять великорусского языка из южной Руси, в каком бы он виде не приходил туда: в искусственно-книжном, как хочет его видеть г. Гогоцкий, или естественно-народном, каким бы мы хотели его видеть, которые никак не меньше, а скорее больше г. Гогоцкого, любим его. Спрашивается, для чего же нужно, чтобы с распространением этого книжного языка в южной Руси забывался и уничтожался местный язык? Говорят нам: это областное наречие, возникшее в недавнее время от смеси польского с русским, поэтому ему не следует давать литературной обработки. Во-первых, грань между тем, что назвать наречием и что языком, вы не проведете, господа; по одним и тем же признакам для вас — наречие, для нас — язык. Вы укажите на близкие с великорусским языком особенности; мы укажем на близкие с последним особенности в польском и спросим вас: почему же польский язык также не наречие? Во-вторых, особенности южнорусского наречия нельзя объяснить влиянием польского, потому что те слова, которые считали прежде польскими, находятся в разных говорах русской земли, и, преимущественно, в новгородском наречии, представляющем и теперь еще во многом сходство с южнорусским, что наглядно указывает на древность последнего. В-третьих, если бы вы были и правы, то вопрос от этого не изменяется. Южнорусское наречие существует в народе: рано или поздно, так или иначе оно произошло, довольно того, что оно есть, и является потребностью его литературного развития. Неужели же в самом деле народу южнорусскому, говорящему своим природным наречием, дожидаться, пока ваша ученость произнесет археологический приговор и, сообразуясь с ним, любить или не любить свою родную речь? Так или иначе вы назовете эту речь, для народа результат все один и тот же. Каждый малорос знает, что она была речь отцов, дедов, прадедов его, что он ее всосал с материнным молоком, что она его святое достояние; и этого довольно. Неужели вы не понимаете, что любовь к родному слову, как и к народности, дело сердца, а не сухих умозаключений, как и всякая любовь? Вам не нравится малорусское наречие, на здоровье вам. А нам оно нравится. Что же с этим делать? Предоставьте нам говорить на этом «гадком грубом жаргоне», не мешайте нам любить его..., а вы себе оставайтесь с мнением о его «ничтожестве и испорченности».

3) Действительно, если б ненависть к нам противников наших ограничивалась только тем, о чем было говорено до сих пор, это бы еще не беда; мы бы спорили с ними, разумеется — переливая из пустого в порожнее, а между тем делали бы свое дело, и само дело показало бы, кто из нас прав. Но противники наши этим не ограничиваются. *Делу нашему они дают политический характер*; они в стремлениях к развитию южнорусского языка видят опасность (политического свой-

ства) для единства и цельности государства и пытаются возбудить против нас и общественное мнение, и власти. По их подозрению, мы тайно стремимся к сепаратизму и приготавливаем для России разложение, хотим самобытного малороссийского государства! Мы не считаем нужным доказывать, что мысль (о наших политических тенденциях) о самобытном малороссийском государстве в высшей степени нелепа, потому что народ (мы) не имеет(м) ровно никаких задатков для этого, ни географических, ни исторических, ни нравственных; да и не думает о государстве. Доказывать это нечего, во-первых, потому, что противники наши и без того согласны с нами в этом, а во-вторых, потому, что поподозревши нас в тайных намерениях, они, естественно, не поверят нашей искренности и скажут, что мы притворяемся и подлаживаемся под их так, тогда как у нас совсем другое на уме. Но мы спросим их: где доказательства, что мы думаем об этом? Мы заявляем одно желание: чтобы южнорусский народ образовался на своем языке. Что тут сепаративного? Пусть бы у этого народа были готовые побуждения ко вражде и отложению, тогда еще так и сяк; а то ведь сами же противники наши толкуют, что народ не хочет отделения. Каким же образом его язык может поселить вражду? Странно! Южнорусский народ говорит и говорит еще на своем языке — и не хочет отделения. Как же это так: тот же самый народ станет не только говорить, но и писать на том же самом языке, и тогда явится в нем вражда к великоруссам и желание отделиться от России. Верх нелепости? Выходит, что не язык, а чтение и письмо доведет до вражды и отделения. Превосходно! Да не лучше ли вам, господа, говорить напрямик **вы боитесь, чтоб просвещение не довело до вражды и отделения. Не так ли? Ну и проповедуйте, коль так, мрак и безграмотность. Это логичное: пребывал народ во мраке и безграмотности и не хотел отделяться; пусть и вперед так остается, и не захочет, и вы покойны будете.**

Всякий здравомыслящий поймет, что грамотность в народе на том наречии, на котором он привык издавна выражать свои мысли, не приведет его к отделению. Если когда-либо будущей нашей России суждено будет разложиться, то никак не от развития местных наречий, а от других причин, и даже безотносительно к наречиям. Их мы не знаем, но уверены, что это отнюдь не наречия. Народы никогда не расходятся и не ссорятся между собою единственно из-за того, что у них разные наречия. Представьте, что вся южная Русь не только говорит, но читает и пишет на своем наречии: что ж тут у нее за повод (чуждаться) отделиться от северной, коль скоро ей хорошо быть вместе с последней? От чего же малорусс меньше будет считать себя (солидарным северной России) *подданным русской империи и членом государства*, чем считает теперь, когда прочитает удобопонятною для него речью божие слово, выучится на ней счету и узнает из малороссийской книжки, что такое природа, человеческая жизнь и человеческая речь?

Но всего бездоказательнее и оскорбительнее подозрение в солидарности между нашим желанием распространения грамотности на южнорусском наречии и польскими замыслами отторжения западных наших губерний. Что в самом деле за тупоголовые южноруссы, что для них нужна чуждая инициатива в так[ом] общечеловеческом деле, как сохранение своей народности. И где же на то доказательства наших противников? Решаясь высказывать подобные обвинения, они должны же были прежде взвесить всю силу их: ведь это не более, ни менее как оговор в измене государству и народу. В таком случае мы убедительно просим не ограничиваться общими местами, а разъяснить дело, назвав поименно тех, кого они подозревают, и представить основания, на которых они решаются заявлять публично такой донос. До того времени, пока не выскажутся ясно наши обвинители, все, кто только прилагал руку к южнорусскому делу, вправе считать себя оклеветанными. Сколько мы можем понять, соблазняет противников наших то, что по-

ляки выпустили какие-то буквари и книжечки для народа, написанные польскими буквами. Мы же чем тут виноваты? И нам какое дело до польских книжечек? Поляки действуют в своих видах, а мы — в своих, и наши виды диаметрально противоположны польским. Чтоб видеть (с другой стороны), что наше южнорусское направление не имеет никакой солидарности с (таким делом, как, например) польским (ое), достаточно проследить все, что было писано, и как, и кем писано от Котляревского до настоящих дней. Было ли хоть у одного писателя, хоть в одной статейке что-нибудь, указывавшее на симпатию к польским замыслам? Шевченко за некоторые свои стихотворения подвергся от правительства наказанию, но замечательно, что в этих стихотворениях нет тени сочувствия к полякам и даже никаких мечтаний о независимом малороссийском государстве. Мы с намерением указали на это обстоятельство: оно достаточно подтверждает, что даже и там, где южнорусские писатели писали с нарушением цензурных правил и подвергались за то наказанию — и там не найдется того, в чем хотят заподозрить южнорусскую литературу вообще. Укажем же (кстати) на одно важное обстоятельство (доказывающее верность нашего взгляда). Со времени объявления сбора пожертвований в пользу издания книг научного содержания на южнорусском языке, наибольшее число пожертвований доставлялось из харьковской и черниговской губерний, за ними по участию в этом деле следуют: полтавская, Черноморье, Новороссия и Кавказ; сверх того, присылаемы были пожертвования из великорусских губерний, и притом не от одних уроженцев малороссийского края, но от природных великоруссов; из киевской и подольской чрезвычайно мало, из волынской ни одного рубля. Что значит эта неравномерность, как не то, что в трех последних губерниях помещики — поляки и нимало не сочувствуют нашему делу? Было бы совсем иное, если б мы действовали по польской инициативе. Но что (и) говорить! Мы уверены, что сами обвинители наши внутренне не убеждены в том, что говорят, а не нравятся им наше предприятие, так они, не разбирая средств, хотят со злости бросить в них, чем попало. Бумага все терпит — и прекрасно... «Почему же не удружить приятелям», как выражается Гоголь: «на, мол, вот тебе, съешь!» Что же нам? оскорбляться ли в самом деле этими выходками, или, скорее, смеяться над ними? Не станет же, конечно, правительство преследовать наши честные намерения на основании этих голословных доносов; а большинство нашего общества обладает настолько здравым смыслом, чтоб не поверить клевете. Остается сказать нашим противникам южнорусскую поговорку: тю, на вашу голову!

[Н. И. Костомаров]